

ВСЕ МЫ прекрасно помним блистательную книгу Ираклия Андроникова «Лермонтов. Исследования и находки», вышедшую в 1977 году. И, признаюсь, сейчас, когда в руки мне попал отличный альбом «Лермонтов. Картины. Акварели. Рисунки» (Москва, «Изобразительное искусство», 1980), первая мысль была: конечно же, это плод труда Андроникова. И дело не только в том, что альбому, собравшему, пожалуй, впервые сто шестьдесят две работы Лермонтова-художника, предпослано глубокое и содержательное предисловие Андроникова, сколько в том, что работы эти оказались вместе именно благодаря многолетним исследованиям Ираклия Луарсабовича.

Впрочем, так и есть. Мы знаем, сколько неизвестных живописных работ разыскал Андроников за годы своего давнего лермонтовского поиска, и помним, что именно ему принадлежит толкование многих картин, акварелей и рисунков поэта в непосредственной связи с его литературным творчеством.

«Теперь, в наше время, — справедливо замечает И. Л. Андроников, — неоспоримо доказано, что рисунки и картины Лермонтова — не развлечение странствующего офицера. Их следует считать как бы записными книжками поэта, частью его вдохновенной, упорной работы. В них подлинный живописный дневник жизни и странствий. Многие среди этого богатства создано великим поэтом во время ссылок. Где бы он ни был, в какие обстоятельства ни ставила бы его судьба, он открывал миру красоты неизвестные, всматриваясь в него — в этот мир — зорким взглядом гениального поэта и замечательного художника».

Заслуга в этом, несомненно, принадлежит прежде всего Андроникову.

Именно он открыл нам ту истину, что Лермонтов-поэту и Лермонтову-художнику постоянно помогал его глаз художника. Так было в «Герое нашего времени» — описание ночного Пятигорска,

где автор дает картину, сначала увиденную глазом, а потом уже услышанную ухом. Так было в неоконченном юношеском романе «Вадим», где мы видим картины поистине рембрантовские. Так и дальше в воображении Лермонтова часто сначала рождались чисто изобразительные образы (береза в трещине развалин, парус, метеор, слеза, оторванный листок, разбитый челн, облака, опять березы), а потом уже стихи, всем знакомые:

«Ч Е Т А БЕЛЕЮЩИХ Б Е Р Е З...»

Люблю дымок спаленной
жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой
нивы
Чету белеющих берез.
(«Родина»).

Скупое рассказывает Андроников о своих поисках, в частности и за рубежом, живописных работ Лермонтова, но зато как точен и чуток его анализ изобразительного творчества поэта.

«На одном из листов «Юнкерской тетради» Лермонтова мы видим сцену убийства. И хотя Арбенин в «Маскараде» не закалывает Нину, а подсыпает ей яд, в памяти невольно возникает гибель Нины. Здесь Лермонтов несколькими штрихами карандаша сумел передать состояние безнадежности и одиночества».

В «Юнкерской тетради», — продолжает Андроников, — есть рисунок, где, по свидетельству однокашника Лермонтова Н. Н. Манвелова, изображен преподаватель юнкерской школы штаб-ротмистр Кноринг. Рисунок выполнен удивительно. Тонкие нажимы пера, плавно изги-

бающиеся линии, выразительные заливки чернилами — все образует законченную, стройную композицию».

Очень любопытны наблюдения Андроникова над изображениями тарханских крестьян и фигур из великосветского общества, сцен дуэлей и батальных картин, набросками из жизни горцев и кавказских путешествий.

При этом очень важны размышления Андроникова о работе Лермонтова с натуры и по памяти.

Андроников проехал по пути многих лермонтовских рисунков и картин, и его открытия в этом плане весьма примечательны. Так, в частности, очень интересен его анализ лермонтовской автолитографии «Вид Крестовой горы из ущелья близ Коби».

Называет Андроников и любимых художников Лермонтова — Рафаэля, Пьетро Перуджино, Гвидо Рени и, конечно, Рембрандта, непосредственных учителей поэта — А. С. Солоницкого, а позже и П. Е. Заболотского.

Все мы помним автопортрет Лермонтова, писанный им в подарок В. А. Лопухиной. Удивительная достоверность! Глубокое проникновение в душу человека, осознающего свое предназначение. Взмолванно-грустные глаза. Кавказские горы и бурка, накинутая на куртку с красным воротником, с кавказскими газырями на груди. Черкесская пашка на кабардинском ремне с серебряным набором.

Потрясающий портрет! «Замечательно в портрете, — говорит Андроников, — что он гармонирует с нашим восприятием поэзии Лермонтова. Но не менее замечательно, что Лермонтов написал портрет сам, написал акварелью, глядя на себя в зеркало, и что автопортрет — одна из его лучших живописных работ».

Изучением художественного наследия Лермонтова занимались у нас многие ученые. Это и Н. Белявский, и П. Висковатов, и Н. Врангель, и К. Григорьев, и Е. Ковалевская, и И. Фейнберг, и Б. Мосолов, и Н. Пахомов, и В. Сандомирская. И все же первенство в этом, несомненно, принадлежит И. Л. Андроникову.

Конечно, эти исследования

далеко еще не закончены. И прав Андроников, когда пишет:

«Недавно в Советском Союзе опубликованы были листы из альбомов родственников Лермонтова А. М. Верещагиной, в 1837 году увезенных ею за границу, а ныне находящихся за океаном. В них рисунки, изображающие людей из московского окружения поэта. Многие представляют собою шаржи. Одни и те же лица встречаются не один раз, что позволяет судить о портретном сходстве. Но кто эти люди? Исследователям еще предстоит дать ответ».

Однако выход альбома «Лермонтов. Картины. Акварели. Рисунки» смело можно назвать событием в нашей культурной жизни.

И помимо И. Л. Андроникова мне хочется назвать других людей, причастных к этому событию: Е. Ковалевскую (составление и каталог), И. Желвакову (пояснения), Э. Меджитову (макет и оформление), В. Терещенко (художественный редактор), М. Ильину (цветная корректура), Н. Неретину (технический редактор).

Сергей БАРУЗДИН.

Публикуем иллюстрации из книги-альбома «Лермонтов. Картины. Акварели. Рисунки»:

Автопортрет.
Портрет В. А. Лопухиной в образе испанской монахини.
Вид Крестовой горы из ущелья близ Коби.

